

Ирина КАРПИНОС

ВЕНЕЦИАНСКОЕ

В Серебряном веке, коротком и ярком,
поэты любили в Венецию ездить,
и с чашечкой кофе сидеть на Сан-Марко,
и в небе полуночном трогать созвездья.

Венеция рядом с времен Сансовино:
крылатые львы и певцы-гондольеры.
Поэты пируют, поэты пьют вина,
поэтов еще не ведут на галеры.

И Блоку покуда не снятся двенадцать,
и пуля не скоро убьет Гумилева.
Поэты еще не отвыкли смеяться
и верят в могущество вешего слова.

Не пахнет войной голубая лагуна,
собор византийский с квадригой прекрасен,
еще не задернули занавес гунны,
и хмель венецийский еще не опасен.

И можно до слез любоваться Джорджоне
и долго бродить по Палаццо Дукале,
стихи посвящать беглым ветреным женам,
катать их в гондолах, купать в Гранд-Канале...

Поэты в Венеции пьют на пьядетте,
война мировая вдали, как цунами.
Запомните лица их в огненном цвете!
Все кончится с ними. Все кончено с нами.

Ирина Карпинос родилась и живет в Киеве. Окончила Литературный институт в Москве. Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен. Член Союза театральных деятелей и Межрегионального Союза писателей Украины. Лауреат международных литературных премий. Пишет на русском языке. Автор четырех книг прозы и четырех поэтических сборников. Публиковалась в литературно-художественных журналах и альманахах: «Радуга», «Слово/Word», «Сталкер», «Юрьев день», «Соты», «Эмигрантская лира», «ЛитЭра» и др. Книга стихотворений «Перевернутый мир» (2016) удостоена премии им. Максимилиана Кириенко-Волошина (премия учреждена Национальным Союзом писателей Украины) за лучшую поэтическую книгу 2016 года, изданную в Украине на русском языке.

ЛУНА И ГРОШ

Мы родились в двадцатом веке,
совки, поэточеловеки,
и пьем, не чокаясь, до дна
за участь, что на всех — одна...

Эпоха нас не закалила,
кровь ближних не опохмелила,
стоим на ледяном ветру
у края в черную дыру...

Повремени еще, мгновенье,
покуда догорят поленья
всех наших помыслов и слов,
летучих золотых ослов...

Куда нас молодость водила,
каким залетным был водила!
Кто ляжет рядом — тот хорош,
вся наша жизнь — луна и грош...

Свеча горела, до упаду
плясали мы свою ламбаду
и гибли в долбаном бою
за рифму — родину свою...

В конце времен мы дали слово,
что сочиним многоголовый
молитвоблуд — наш пропуск в рай.
Петр, кого хочешь, выбирай...

ВТОРАЯ РЕЧКА

По улицам шатался, как Гомер,
и изучал науку расставанья,
шум времени, бессонницу, скитанья
с безмерностью поэта в мире мер.

Владивостокский пересыльный пункт.
В бараке лагеря «Вторая речка»
под разговор о Данте бесконечный
уходит жизнь... Нет больше сил на бунт...

А далеко на западе жена
идет под снегом в траурном костюме
и говорит: «Сегодня Ося умер.
Отмучился. Так радуйся, страна!»

Ох, сколько зим прошло! Могилы нет.
Есть улица, не в Питере — в Варшаве.
Но юбилеи празднуют в державе,
поэта убивавшей много лет.

Он умирал, шутник, гордец и враль,
так далеко от нищенки подруги!
Под Новый год, под завыванье вьюги...
Вторая речка... Вечная печаль...

НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ

Где вы были до тринадцатого года?
Пили водку и горилку, аки воду,
нагревалась кровь на медленном огне,
проливалась только истина в вине...

Жили-были, пели-пили, не тужили
и бродячую беду приворожили,
и теперь она на медленном огне
души грешные пыгает при луне...

Где вы были до семнадцатого года?
Убивали, суп варили из народов,
закипала кровь на медленном огне,
ангел смерти пронесился на коне...

И с тех пор у нас на площади центральной
отпеванья, отпеванья, отпеванья...
и язычество на медленном огне
жертвы требует в родимой стороне...

И покуда не найдется отворота,
души будут изгоняться за ворота
и гореть на клятом медленном огне...
Слышишь реквием? Он по тебе и мне...

НА КРАЮ

Сирота — вот и найдено слово,
сирота среди мира пустого,
позади — разноцветный обман,
впереди — только черный туман...

На краю провороненной жизни,
в эпицентре бродячей отчизны
сердце режет и глуше стучит,
дней, часов не осталось почти...

Я тебя никогда не забуду...
и никто не увидит отсюда,
как моя погорелая жизнь
на промерзшей дороге лежит...

И не встать, и не выразить боли
в бесприютной сиротской юдоли,
не нащупать у пропасти дна...
пей до дна... жизнь одна... смерть одна...

Я — невидимый призрак, когда-то
сочинявший плохие баллады
о безмерной бессмертной любви
на ветру... на краю... на крови...

Я неслась по болотистым кочкам,
чья-то женка, любовница, дочка,
и летела сквозь небо звезда
в никогда, никому, никуда...

* * *

Последнее пристанище — стихи:
приют, надежда, гибель, воскресенье,
отмоленные наконец грехи
и чье-то безымянное спасенье...

Я — каторжник, я — полупроводник,
такая вот сизифова работа:
услышать звон и записать в дневник
потерянные разумом частоты...

В такую ночь ты с Богом визави
и тет-а-тет передаешь молитвы —
и храмы вырастают на крови,
и перемирье дольше длится в битвах...

И можно наконец уже уснуть
и видеть сны, по-гамлетовски, в лицах,
и все долги, и всю вину вернуть,
и вовремя с ушедшими проститься...

Почто живу и что такое жизнь,
кого люблю, когда уж нет любимых?
Какие на рассвете миражи
неузнанные проплывают мимо?

Мне снится мама в ледяном гробу...
Нет, это я — и сон все длится, длится...
Кому повем свою тоску-журбу?
Я просыпаюсь... иней на ресницах...